

СВОБОДА, КОРПОРАЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ

Р.В. Шамолин

Новосибирский институт
экономики, психологии и права

shaman-rom@yandex.ru

В статье идет речь о базовом антропологическом конфликте, который существует между собственно человеческой, неопределенной и свободной составляющей человека и его биологическим, животным началом. Этот конфликт выражен в том, что, испытывая тревогу и страх перед избытками своей антропогенной свободы, люди создают пространство корпоративной культуры, через которое желают восстановить нарушенное свободой биологическое равновесие. В этом контексте культура есть попытка реанимировать гармонию животного, естественно-природного состояния. Этому служит весь длинный ряд сакрализованных культурой символов, идей и представлений. Но «элемент свободы» не уживается с этим нормативным конструированием. На непрерывном процессе «неуживчивости» основана вся непредсказуемая динамика человеческой истории.

Ключевые слова: антропогенность, свобода, корпорация, культура, сакральное, «животность», идентичность, неопределенность.

DOI: 10.17212/2075-0862-2016-2.2-14-21

С точки зрения антропологии, которая исходит из концепции *tabula rasa*, в природе человека нет никаких определяющих установок для его существования и судьбы. По своему существу человек не есть «ни эллин, ни иудей». Природа его свободна от предопределений, в этом сходятся и новоевропейский гуманизм, и христианство, и буддизм. В свободе, в возможности сделаться кем угодно – его главное отличие от всех иных видов живущих существ. Поставленный в условия самой жесткой необходимости, он и там может проявить свободу, выработывая к этим условиям свое отношение. Человеческая свобода – это, конечно же, не актуальная все-возможность. Это – возможность попытаться выйти за пределы необходимо-реального. Наиболее положительное определение свободы проявляется в том, что она есть возможность сопротивления и преодоления необходимости, причем независимо от достигнутых результа-

тов. В этом смысле человек, конечно же, не может сделаться кем угодно, но имеет возможность не становиться тем, кем его делает логика обстоятельств. Свобода – это неуживчивость с необходимостью.

Вот от этого своего антропогенного, свободного естества люди и ищут способ оградиться. Предпочитают сопротивлению необходимости приспособление к ней. Необходимость же состоит всего из нескольких всем очевидных и непререкаемых правил, которые работают для всякой живущей в мире особи: самосохраняйся, адаптируйся, размножайся и удовлетворяй потребности своих ощущений (чувств). Всеми биологическими существами эти правила исполняются неукоснительно, так как это не просто правила, но врожденные потребности. Исключение – человек, у которого не то чтобы нет этих врожденных свойств, – он просто не определяется ими целиком, без остатка, как любое животное.

Вот этот «остаток» и представляет источник антропогенной природы; и он же – источник тревоги и отчаяния для «животного» в человеке. Этот «остаток» – человеческая свобода, и влияние его таково, что правила необходимости зачастую проигрывают конкуренцию. Тем самым «животное» в человеке подвергается риску; его безопасность, потребности – со всем этим свобода не слишком считается. «Животное» возмущено «человеком».

Организуя пространство своей культуры, люди стремятся если не совсем репрессировать свободу, то поставить ее в режим приспособления к необходимости, т. е. адаптировать к «животному» формату человека. Для этого культура должна адаптировать к себе то, что выступает главным носителем и проводником свободы – человеческую индивидуальность. Корпоративная культура должна создать все условия для того, чтобы никакое сознание не могло и помыслить себя независимым. Она должна стать для индивида не «второй», а «первой» природой, индивид должен выводить из нее само свое существование. То есть выводить свое существование из имитации, которой и является по сути всякая организационная культура.

Если антропогенная природа человека свободна от родовых, видовых и прочих предопределений, то задача корпоративной культуры – эту предопределенность человеку дать. Дать ему границы, отчетливые пределы и, главное, заставить поверить в их абсолютную легитимность и неизблемость. Жестко дистанцируя, отчуждая человека от его естества, культура обращается не только к тревогам и страхам, которые он испытывает от собственной трансцендентности миру, но и к активной стороне его самосохранения – к его же-

ланию доминировать, быть господином. Корпоративная культура дает индивиду возможность испытать ощущение избранности и превосходства, а с такими ощущениями уже несовместимы страх и тревога. Посредством установки на избранность индивид оказывается запечатан в очень закрытую компанию, которая ограждает себя от остального мира людей на основании того, что обладает «особым путем». Установка на избранность воспроизводит для сознания ту модель, что бесперебойно работает в качестве инстинкта для всей природы, где всякая особь существует и действует по правилам своего вида и не знает других вариантов. Но люди есть существа, такого инстинкта лишённые и по сути своей открытые миру. Чтобы исправить это, нужны постоянные воздействия на сознание, постоянная практика вовлечения людей в формат корпоративного интереса, пока у каждого человека не произойдет отождествления с этим интересом. Исключения, те индивиды, что не поддаются воздействиям, должны быть удалены из общего поля.

Самое непосредственно близкое к биологическому родовому измерению образование корпоративной культуры – это идея народа, этноса. Характерно, что в изначальном употреблении на греческом языке понятие «этнос» довольно многозначно и применимо к любому скоплению особей – как людей, так и животных. Этнос есть и толпа, и народ, и просто стадо. В сложившемся же культурном контексте этнос может определяться в качестве локальной человеческой корпорации, которая весьма резко, концептуально отделяет себя от всего остального человеческого мира. Этнос возникает в том случае, когда некоторая общность людей переживает

свое бытие как нечто в корне отличное от бытия всех остальных людей.

В основе появления этноса лежит практика закрытости, обособленности. Во многом эта практика обусловлена «животной» составляющей человека: следуя инстинкту выживания, ни одна биологическая особь не пойдет на контакт с чем-то неизвестным, новым, так как все новое есть источник риска, опасности. Самосохранение предписывает не менять действующих правил и проверенных траекторий движения. В человеческих же корпорациях закрытость от перемен закрепляется еще и культивируемой «чистотой», ритуальной или этнической. Ею обладают, в своих представлениях, лишь сами участники таких корпораций. Конечно, с тем условием, что следуют установленным правилам и не склонны к инакомыслию. Этой «чистотой» они отличаются от всего внешнего, опасного и хаотичного мира. За соблюдением «чистоты» следит корпоративная власть, подчинение авторитету и насилию которой заменяет то безусловное подчинение инстинкту, которым обладают животные особи и которого лишены люди. Не допускать отклонений от стандартов поведения и мысли – этим занята власть, в этом залог и ее собственного самосохранения.

Ценой, оберегающей от рисков обособленности, оказывается свободная человеческая воля, но оградиться от нее и было той главной задачей, для которой обособленность активировалась. Этнос делегирует своим корпоративным властям полномочия на авторитет и насилие, получая взамен свою долю иммунитета от страхов и тревог, производных от антропогенной свободы. Страх, исходящий от властей, понятен людям, и жизнь под этим страхом предполагает некоторые основы поведения и мыш-

ления, правила, через которые можно получать не только известные наказания, но также и определенные бонусы. Страх свободы лишен всяких очевидных правил, это бесосновность, с которой нельзя выстроить предсказуемые отношения.

Корпоративное сознание создает свой закрытый мир, противопоставленный миру окружающему и представляющий себя «осажденной крепостью». И этот обособленный мир должен функционировать по законам осады, войны. Тот, кто заходил в него извне, всегда оставался под подозрением как агент внешнего, чужого бытия, не имеющий должной ритуальной, видовой «чистоты». Те же, кто состояли участниками этого мира, не выпускались из него во имя той же тщательно охраняемой «чистоты». Интересно вспомнить описания, данные иностранными путешественниками такой поздней сакральной традиции, как Московская Русь. Вот так в конце XVI века представитель британского посольства Д. Флетчер характеризует состояние этого закрытого этноса и отношение в нем к представителям иных культурных идей:

«Что касается до других качеств простолюдинов, то, хотя и заметна в них некоторая способность к искусствам (как можно судить по природному здравому рассудку людей взрослых и самых детей), однако они не отличаются никаким даже ремесленным производством, тем менее в науках или какими-либо сведениями в литературе, от коих, так точно, как и от всех воинственных упрямлений, их с намерением стараются отклонить для того, чтобы легче было удержат их в том рабском состоянии, в каком они теперь находятся, и чтобы они не имели ни способности, ни бодрости решиться на какое-либо нововведение. С той же целью им не дозволяют путешествовать, чтобы они не научились чему-нибудь в чужих краях и не ознакомились с их обычаями.

Учатся только читать и писать, и то весьма немногие. По той же причине не дозволено у них иностранцам приезжать в их государство из какой-либо образованной державы иначе, как по торговым сношениям для сбыта им своих товаров и для получения через их руки произведений чужеземных.

С этой целью, в нынешнем 1589 году они рассуждали между собой о переводе всех иностранных купцов на постоянное жительство в пограничные города, и чтобы на будущее время быть осмотрительнее относительно прочих иностранцев, которые будут приезжать во внутренние области государства, дабы они не завезли к ним лучшие обычаи и свойства, нежели какие они привыкли видеть у себя» [3, гл. 14].

Чувство обособленности и «чистоты», на котором держится стабильность этноса, может превращаться в ощущение некой *патологической уникальности*, когда всё, что не соответствует видовым критериям этого этноса, воспринимается как дьявольская ошибка, искушение, опасность хаоса. Тогда этнос в принципе закрывает себе положительное восприятие мира, его окружающего. Бытие и сознание замыкаются на воспроизводстве только известных, легитимных и однозначно трактуемых смыслов. Все иные смыслы видятся через призму *метафизической враждебности* – именно *метафизической*, поскольку не существует никаких фактических оснований, чтобы отказывать в правах картинам мира, которые не схожи с единственной известной и привычной.

Человек отгораживается от непредсказуемости и неоднозначности (свободы); выстраивает мир, где последствия его действий будут предсказуемы, а значения его представлений однозначны. Человек соглашается на управление своей жизнью теми, кто сможет выступить «гарантом» этого построенного мира, будь то корпора-

тивный институт, авторитетные идеи или авторитетный лидер. Чаще всего присутствуют все три элемента. Стабильность «гаранта» создает человеку условия, при которых он не будет встречаться лицом к лицу со свободой и ее последствиями. «Гарант» обеспечивает иммунитет против влияния «зоны риска» и воспринимается в этом формате как свобода. Когда такой человек все же сталкивается с проявлениями иного и, соответственно, непонятного и тревожного для него бытия или сознания, его приобретенный иммунитет бьет тревогу. Он возмущен неправильностью (варианты: аморальностью, бездуховностью) этого «иного». В столкновении с «иным» видовой инстинкт требует подтверждения и безусловного преобладания известной и гарантированной идентичности. То, что ей не соответствует, должно быть отвергнуто, а лучше – уничтожено, как искушение и «дьявольский вызов».

Всякая животная особь имеет свой видовой инстинкт непосредственно и бессознательно. Вернее, этот инстинкт имеет над животным прямую и полную власть. Картина мира животного встроена в инстинкт, имманентна врожденным рефлексам. По сравнению с животным человек, желающий стабильной и гарантированной картины мира, находится в довольно неустойчивом положении. Человеческий «видовой инстинкт» – это всегда имитация, требующая постоянной работы по своему сохранению и воспроизведению. И более всего такая имитация будет напоминать свой образец, т. е. безусловное биологическое состояние организма, когда она будет обращаться к бессознательным, до-критичным слоям психики и когда в обозримом пространстве не будет себе знать никакой альтернативы. Наподобие того, как массовое зрели-

ще спортивной игры затягивает в свое поле восприятия болельщиков посредством сочетания простейших и мощных оппозиций: свои – чужие, успех – неудача, победа – поражение. Такая схема работает и во всем остальном; главное, чтобы восприятие не задерживалось в области осознания, в области размышлений и аналогий. Это достигается двумя путями: или погружением в аффектацию, в чувственно-эмоциональный пафос, или посредством однотипной воспроизводящейся деятельности, где сознание людей сужается до механического соответствия текущему процессу. Создать условия, в которых люди большую часть жизни проводят в механическом труде и убеждены, что это естественный и единственный их путь – один вариант. Другой – дать людям идею, которая была бы проста в восприятии и наполняла бы их не слишком разнообразную жизнь силой мощного аффекта. Сочетание обоих вариантов действует идеально: имитация обретает несокрушимую убедительность.

Великая этническая (национальная) идея есть, безусловно, один из самых эффективных методов искусства имитаций. Во-первых, под ее воздействием индивид получает четкую и стабильную идентичность, получает однозначный и прямой ответ на все те тревожные, мучительные вопросы, которые изначально заложены в его антропогенной экзистенции. А в силу того, что сознание людей не часто имеет склонность к постановке вопросов, национальная идея просто заполняет ту пустоту, для которой у большинства людей нет названия, хотя она и вызывает болезненную тревогу. Чем менее развито сознание, чем меньше человек склонен к постановке вопросов и поиску ответов, тем на более благоприятную почву ложится национальная

идея. Она укореняется на уровне бессознательного, игнорируя рефлексующие области сознания или подчиняя их себе. И по силе влияния и безальтернативности действительно становится чем-то вроде приобретенного инстинкта, обретая статус «несомненности» и «безусловной подлинности».

Во-вторых, воздействие национальной идеи может давать индивиду ощущение безграничного могущества; страхи и сомнения, которые преследуют одинокого, обособленного субъекта, оказываются вытеснены ощущением причастности к сплоченной корпоративной силе. Национальная идея зачастую транслирует своему обществу полномочия такого уровня, что участники корпорации начинают желать снятия известных границ и распространения своих корпоративных правил на все известное пространство. В сообществе возникает воля к устранению или подавлению всех элементов, которые таким правилам не соответствуют. Альтернатива воспринимается как вызов, как «нечистая» тень сомнения, брошенная на единую и безупречную версию реальности. Если исходить из того, что организационная культура людей имитирует биологические паттерны, то в данном случае можно говорить об имитации не просто видовых установок стаи или стада, которые удерживают группу в определенной среде обитания и в рамках определенных правил взаимодействия с этой средой. Подобный формат утверждения и распространения идеи более всего схож с вирусной инфекцией: культура имитирует поведение распространяющегося вируса, который стремится подчинить своему влиянию всю окружающую его среду обитания, все встречающиеся органические элементы.

Известный эпизод из «Бесов» Ф.М. Достоевского очень наглядно представляет такого рода непримиримую «патологическую уникальность», своеобразная логика которой ведет к мысли о тотальном превосходстве «русской идеи»:

«Всякий народ до тех пор и народ, пока имеет своего бога особого, а всех остальных на свете богов исключает безо всякого примирения; пока верует в то, что своим богом победит и изгонит из мира всех остальных богов. Если великий народ не верует, что в нем одном истина (именно в одном и именно исключительно), если не верует, что он один способен и призван всех воскресить и спасти своею истиной, то он тотчас же обращается в этнографический материал, а не в великий народ. Истинный великий народ никогда не может примириться со второстепенною ролью в человечестве, или даже с первостепенною, а непременно и исключительно с первою. Кто теряет эту веру, тот уже не народ. Но истина одна, а стало быть, только единый из народов и может иметь бога истинного, хотя бы остальные народы и имели своих особых и великих богов. Единый народ “богоносей” – это русский народ...» [2, с. 266, 267].

* * *

Ограждая человека от антропогенного естества и выдавая ему патент на стабильную идентичность, а в дополнение и на «избранность», корпоративная культура заключает его в собственный мир, состоящий из весьма жестких табу и необсуждаемых законов. И считаться полноценным участником этого мира, полноценным человеком можно лишь при соблюдении этих условий, в сравнении с которыми жизнь даже по заданным биологическим инстинктам могла бы показаться совершенной свободой. Индивид сразу попадает в долговое обязательство перед своей корпорацией – это долг за само его существование в каче-

стве признанного участника имитационного шоу. И этот долг для него перманентен и не подлежит погашению. По выражению французского постструктуралиста Ж. Делеза, кредитор еще не одолжил, а должник уже не успел отдать.

По представлению Ж. Делеза, который посвятил свой фундаментальный текст «Капитализм и шизофрения» [1] изучению антропогенности в ее исторической динамике, долг выступает первым следствием трансформации человека в сакральный знак, первым результатом «кодирования» человека, переводом его сознания и воли из естественного течения в мейнстрим культуры, в пространство обособленное, основанное на вытеснении «старой биокосмической памяти». Однако организационная культура подвергает такой трансформации, зачистке и контролю не только естественно-животную природу человека. Напротив, известные биологические паттерны, животные свойства, видовые инстинкты – всё это активно воспроизводится культурой в виде ремейков, имитаций, которые потом и проецируются на жизнь и сознание индивидов. Нет, культура претендует держать контроль над природой именно антропогенного характера, с ее врожденной, имманентной человеческому экзистенциалу *неуживчивостью с необходимым*. Претензия культуры – контролировать свободу, на основании которой человек как раз и дистанцирован от «биокосмических» установок, по которым следует существование всех прочих особей. Посредством установления сверхценности долга культура так или иначе выражает желание индивида обезопасить себя от своих же спонтанных, хаотических сил, которые когда-то нарушили «биокосмическую» стабильность и породили феномен человека как вызов, как альтернативу такой стабиль-

ности. Культура, давая человеку защиту от хаоса, подвергает жестким резекциям самого подзащитного, поскольку его человеческая природа и есть то, из чего хаос рождается. В этом смысле она оказывается в роли античного бога Кроноса, который пожирает своих детей, несущих установленному им миропорядку потенциальную угрозу. Корпорация желает видеть себя неразрушимой, стабильной системой, а долг предназначен для того, чтобы сформировать, выковать такую систему. И все это, по словам Ж. Делеза, «на основе вытеснения интенсивностей ночи» [1, с. 292], т. е. вытеснения неподконтрольных, свободных сторон человеческой природы.

Очевидно, что задача полного подчинения человека корпоративному долгу никогда полноценно не осуществлялась и, можно надеяться, никогда не осуществится. Но этот вектор всегда присутствует практически в любой претендующей на стабильность системе. Всегда будет присутствовать конфликт между долгом и «ночной» при-

родой человека, которая порождает волю к импровизации и несогласию там, где должен царить сакральный закон. Собственно, данный конфликт порождает то неравновесие – как в индивидуе, так и в корпоративной системе – благодаря которому и создается историческая ткань бытия. И даже перманентно превращенный в сакральный знак (или, как теперь, в товарный знак) человек продолжает сопротивление, продолжает «раскачивать лодку». Рано или поздно лодки тонут.

Литература

1. Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: капитализм и шизофрения. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 672 с.
2. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 7. Бесы. – М.: Гослитиздат, 1957. – 758 с.
3. Флетчер Дж. О государстве Русском [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/flet/01.php (дата обращения: 05.05.2016).

FREEDOM, CORPORATION AND NATIONAL IDEA

R.V. Shamolin

Novosibirsk Institute of Economics,
Psychology and Law

shaman-rom@yandex.ru

The article tells about a base anthropological conflict between properly human indefinite and free integral part and his/her biological animal nature. The conflict is the fact, that having anxiety and fear of excess of their anthropogenic freedom, people create corporate culture for recovering their biological balance broken by freedom. In this context, culture is a try of reviving of animal natural state harmony. A great number of symbols and ideas sacralized by culture serve to this purpose. But freedom cannot exist with the normative construction. All unpredictable dynamics of human history is based on the continuing process of the conflict.

Keywords: anthropogenic, freedom, corporation, culture, sacred, animal nature, identity, indefiniteness.

DOI: 10.17212/2075-0862-2016-2.2-14-21

References

1. Deleuze G., Guattari F. *Capitalisme et schizophrénie: L'Anti-Œdipe* [Anti-Oedipus: capitalism and schizophrenia]. Paris, Minuit, 1972. 470 p. (Russ. ed.: Delez Zh., Gvattari F. *Anti-Edip: kapitalizm i shizofreniya*. Translated from French. Ekaterinburg, U-Faktoriya Publ., 2007. 672 p.).
2. Dostoevskii F.M. *Sobranie sochinenii*. V 10 t. T. 7. *Beuy* [Complete Works. In 10 vol. Vol. 7. The Devils]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1957. 758 p.
3. Fletcher G. *Of the Russe common wealth*. (In Russian) Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/flet/01.php (accessed 05.05.2016)